

необходимости нанесения превентивных ударов в тех же целях и, что особенно поразительно, при невесть откуда взявшемся гипертрофированном приоритете именно встречного боя между двумя хорошо вооруженными армиями.

С давних пор к этим докладным Я.М. Жигура приклеился ярлык "донос". Тем не менее это вовсе не умаляет важности существа затронутых в записке Жигура вопросов.

Жигур призывал к пересмотру военных планов наступательных операций именно начального периода войны, причем с учетом именно результатов военных учений и игр, проведенных Тухачевским, поскольку результаты именно этих учений показали, что "группы вторжения не в состоянии выполнить тех задач, которые на них возлагались на первом стратегическом этапе борьбы. Они были слишком малы по своему составу и нацеливались на действия по изолированным направлениям, что могло привести к их последовательному разгрому.

Прошло несколько лет, и ранним утром 22 июня 1941 г., в поразительном соответствии со всеми этими "сценариями" и с исторически беспрецедентной мощью громыхнула невиданная дотоле трагедия, боль от которой не проходит и поныне!

Причем в столь коллапсовых формах, что к началу битвы под Москвой в действующей армии осталось всего 7-8% от первоначальной (на 22 июня) численности собственно группировки РККА на западных границах! О гигантских потерях территорий вместе с населением и экономическим потенциалом, а также оружия, боевой техники и материально-технических запасов и говорить-то не приходится!

Но самое главное в том, что трагедия громыхнула также и при полном совпадении с реальностью многих важнейших стратегических деталей каждого из вышеуказанных "сценариев" катастрофы.

Причем особое значение имеет на редкость поразительно совпадающее пренебрежение и Тухачевского, и Генштаба с НКО накануне войны к Белорусскому направлению, или, на языке Генштаба, к западному направлению, сверхмолниеносный прорыв гитлеюг на котором (и на колоссальную же глубину) в целом и обусловил тяжелейшее поражение нашей армии в первые полгода войны.

В изложенном следствию в 1937 г. плане поражения СССР в уже тогда отчетливо надвигавшейся войне Тухачевский показал, что он считает совершенно фантастическим для агрессивных планов Гитлера избрание именно Белорусского направления, как направления главного удара вермахта, причем, что особенно вызывает оторопь, на том основании, что фантастическим, по мнению "стратега", явился бы тот случай, при котором Гитлер поставил бы перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву.

Едва ли возможно хоть как-то понять такую, с позволения сказать, "логику" "невинной жертвы сталинизма". Ведь со времен еще первого издания "Майн Кампф" Гитлер только и знал, что твердил в первую очередь именно об этом, и не знать этого Тухачевский не мог. Да и вообще, подобный маршрут агрессии с Запада исторически стал "традиционным", чего Тухачевский также не мог не знать.

Из этого беспрецедентно неадекватного и фактам, и истории, и даже самой логике многовекового противоборства по оси Запад - Россия заявления Тухачевского прямо вытекало отсутствие необходимости планирования стратегической оборонительной операции прежде всего на Белорусском направлении.

И это при том, что и так вся тогдашняя система взглядов на оборону СССР в случае необходимости отражения агрессии сводилась к тезису о немедленном встречно-лобовом контрна-ступлении. Да к тому же при допущении целесообразности нанесения превентивного удара по противнику до начала войны с его стороны, проще говоря, при допущении целесообразности для СССР выступить в роли агрессора. И все это было сдобрено изрядной порцией невесть на каком основании провозглашенного Тухачевским гипертрофированного приоритета встречного боя между двумя хорошо вооруженными армиями.

Но с какой такой стати столь выразительно, по-Тухачевскому, перед войной вдруг "окривел" умом наш Генштаб с Наркоматом обороны, если такой способ действий, как стратегическая оборонительная операция, для Западного округа (фронта), т.е. в полосе Белорусского направления, и вовсе не предполагался. Как, впрочем, и по всей линии западной границы. И почему это должно было произойти при абсолютно идентичных по смыслу и духу разведывательно-информационных фонах?

В начале 1937 г. в Москву по каналам разведки НКВД поступили данные о состоявшемся на рубеже 1936-1937 гг. совещании высшего военно-политического руководства нацистской Германии по итогам крупномасштабных стратегических игр на картах, в ходе которых обсуждались планы "восточного похода" вермахта. Тогда совещание пришло к выводу, что "никакого точного решения от-носительно восточной кампании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы для операций в самой Восточной Польше". Помимо того, что "базы в Восточной Польше" - это прежде всего базы на территории незаконно аннексированной Польшей еще в 1920 г. Западной Белоруссии, сама постановка вопроса о них прежде всего означала, что высшее военно-политическое руководство Германии и командование вермахта связывает успех "восточного похода" (т.е. против СССР) именно с возможностью обеспечения условий для успешных действий в первую очередь на Белорусском направлении.

Как первый заместитель наркома обороны Тухачевский знал об этой информации, не говоря уже о том, что о ней знал и тогдашний глава Генштаба маршал А.И. Егоров, давний единомышленник "стратега". Тем не менее, угодив на лубянские нары, Тухачевский ничтоже сумняшеся назвал Белорусское направление фантастическим для агрессивных планов Гитлера!

Спустя четыре года ситуация "странным" образом регальванизировалась. При наличии более чем убедительных разведданных о том, что командование вермахта планирует осуществить нападение тремя группировками на трех главных направлениях, из которых центральное, т.е. Белорусское, само по себе выделялось своим исключительно особым политическим значением, ибо в самом смысле этого направления - Минск-Смоленск-Москва - всегда больше политики, нежели даже каких-то сугубо военных решений, при наличии письменно выраженных опасений советского стратегического руководства (т.е. Сталина) именно же по поводу опасностей, которым могут подвергнуться наши войска как раз на Белорусском направлении (это было отмечено в итогах январских 1941 г. игр на картах), высшее военное руководство, т.е. дуумвират Тимошенко-Жуков, вдруг выразительно, по Тухачевскому, так "окривел умом", что значение обязанного оборонять Белоруссию ЗапОВО свел до состояния второразрядного. И что самое поразительное, именно в тех конкретных нюансах, по поводу которых и были высказаны в письменной форме опасения.

Так что же все эти совпадения должны означать?!

Вопрос этот и особенно ответ на него, тем более важны, что отнюдь не впервые в своей многовековой истории Россия, пускай и называвшаяся в те времена Советской, самим фактом своего существования, но помимо своей воли втягивалась уже во вторую по счету в том столетии мировую войну при поразительно совпадавших, мягко говоря, "странностях" поведения своего генералитета в преддверии и накануне войны.

Едва ли, например, широко известно, что трагическая участь Российской империи в Первой мировой войне была жестоко предрешена задолго до 1 августа 1914 г. и предрешена в том числе именно "странной" позицией генералитета...

Разведывательная информация накануне войны едва ли не дословно повторяла информацию ГРУ от 1935 г., в частности, в том, что гитлеюги откровенно рассчитывают на то, что Красная Армия на первых же порах потерпит серьезное поражение, что сопротивляться она сможет не более 8 дней, на быстрый захват Москвы (между тем подобная попытка была возможна только при нанесении главного удара именно на Белорусском направлении), а также на массовые внутренние беспорядки и бунт в общегосударственном масштабе, на формирование нового правительства, которое должно было раз-жечь Гражданскую войну в СССР. По сути дела, откровенно планировалась реанимация сценария 1917-1918 гг., когда "с колес" еще Первой мировой войны России внаглую объявили, а затем и открыто развязали первую по счету в XX в. "Вторую мировую войну" (многократные и многосторонние иностранные интервенции - до 14 участников) при одновременном разжигании Гражданской войны и так далее.

Почему это должно было столь трагически совпасть?!

СТАЛИНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ - ЯВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Сталин жестко поставил перед собой глобальную политическую цель - абсолютно напрочь лишить и Гитлера, и кого бы то ни было на Западе даже иллюзорной тени намека даже на гипотетическое искушение истолковывать факт уже не вызывавшего никаких сомнений вероломного и внезапного нападения Германии в ближайшие часы иначе, нежели как только и только ничем не прикрытую вероломную и внезапную агрессию со стороны Третьего рейха!

Рассчитывая, что войска предупреждены о внезапном нападении, Сталин сделал следующее. Зная по донесению ГРУ, что германский посол Шуленбург получил какую-то срочную телеграмму из МИДа Германии, и уже фактически не сомневаясь в том, что послу был прислан текст ноты об объявлении войны, которую он обязан вручить Правительству СССР в момент начала агрессии, дабы у СССР не было ни малейшего шанса даже попытаться дипломатическими средствами сорвать ее начало - уразуметь это было вовсе немудреное дело, ибо с 1 сентября 1939 г. Гитлер всегда действовал по одному и тому же шаблону, - Сталин приказал Молотову (тогда наркому иностранных дел СССР) вызвать в Кремль Шуленбурга в 21.30 21 июня и потребовать от него объяснений по поводу германской позиции, в т.ч. и в первую очередь о причинах отсутствия какой-либо реакции официального Берлина на Сообщение ТАСС от 13/14 июня 1941 г.

Задача стояла однозначно - через посла "намертво" припереть Германию за грядущее уже в ближайшие часы вероломство!

Молотов выполнил приказ Сталина, однако в ответ Шуленбург вынужденно юлил, заявляя, что-де он не располагает какой-либо информацией на сей счет, явно не понимая, что и Сталин, и Молотов уже знают о том, что он получил соответствующую шифровку из Берлина.

Естественно, что Шуленбург не знал не только этого, но и того, что одновременно с его визитом в Кремль советский посол в Берлине В. Деканозов по прямому приказу Сталина направился в МИД Германии под предлогом вручения вербальной ноты о продолжающихся нарушениях границы СССР самолетами люфтваффе, и стал требовать срочной встречи с министром иностранных дел рейха И. Риббентропом. Бывший торговец шампанским сделал вид, что его нет в Берлине, и Деканозова принял статс-секретарь МИДа Германии Вайцзеккер. Однако, когда наш посол попытался было начать беседу по интересовавшим Правительство СССР вопросам, Вайцзеккер тут же свернул разговор, заявив, что-де сейчас лучше ни в какие вопросы не углубляться и что "ответ будет дан позже".

В результате мгновенно и одновременно проведенной и в Москве, и в Берлине разведывательно-политической блицоперации еще раз было подтверждено, что война грянет в ближайшие часы, а также установлено, что Гитлер намерен обставить факт ничем не спровоцированного, а потому-то и вероломного и внезапного нападения на СССР в соответствии с положениями Гаагской конвенции 1907 г. То есть, узаконить факт нападения ссылками на важнейший международно-правовой документ, позволяющий сделать вид, что "все нормы международного права соблюдены"!

А вот этого-то как раз и нельзя было допустить, иначе и у США, и у Англии могло бы появиться искушение не только отделаться общими словами осуждения агрессии, но и все-таки попытаться сепаратно сговориться с Гитлером. И Сталин приказал Молотову, что как только Шуленбург ночью начнет требовать срочной аудиенции у него как у наркома иностранных дел для вручения ноты об объявлении войны, то ни в коем случае не принимать его до особого распоряжения.

В третьем часу ночи 22 июня Шуленбург действительно позвонил Молотову на дачу - в НКИД ему так и сказали, что "нарком на даче", ибо таково было требование Сталина, до конца разыгрывавшего карту открытой сдержанности СССР (аж нарком на даче!). Незаметно для посла его звонок переключили на Кремль, и он стал требовать немедленной аудиенции у Молотова для вручения советскому правительству важнейшего государственного документа. Расчет Гитлера и Риббентропа строился на том, что Шуленбург добьется приема у Молотова на 3.00 ночи 22 июня и в течение получаса зачитает ноту об объявлении войны, а ровно в 3.30 ночи первая волна самолетов люфтваффе должна была пересечь воздушную границу СССР и приступить к бомбардировкам.

То есть, они заблаговременно разработали сценарий этого фарса с разыгрыванием некоей законности своих действий, начисто исключив при этом даже тень намека на шанс для Москвы хоть как-то отреагировать на это дипломатическими средствами.

По указанию Сталина Молотов оттянул время аудиенции до 5.30 утра, т.е. до того момента, пока пограничники и военные не доложили о начале вторжения. То есть у Гитлера сразу же была вышиблена всякая основа для каких

(Окончание на ст. 6)